
Клинико-психологические аспекты вхождения подростков в экстремистскую и террористическую деятельность

Ошевский Д.С., кандидат психологических наук, доцент, Московский государственный психолого-педагогический университет; ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (oshevsky@serbsky.ru)

В статье рассмотрены клинико-психологические аспекты включения несовершеннолетних в террористическую и экстремистскую деятельность. В исторической перспективе прослежено, как менялись взгляды на роль психических расстройств в генезе таких правонарушений. Показано, что террористическую и экстремистскую деятельность необходимо рассматривать как сложный многофакторный феномен, в котором ведущую роль играют социально-психологические составляющие. Отмечено, что психопатологический процесс может выступать как предпосылка для включения подростков в радикальные группы. Проанализированы психоаналитические, социологические, когнитивные подходы, теории социального научения и концепция диффузной эго-идентичности, в которых сделаны попытки объяснить механизмы террористической и экстремистской деятельности у несовершеннолетних. Поставлена проблема недостаточной изученности влияния интернета и социальных сетей на формирование готовности к вступлению в подростков в радикальные организации.

Ключевые слова: несовершеннолетние правонарушители, терроризм, экстремизм.

Для цитаты:

Ошевский Д.С. Клинико-психологические аспекты вхождения подростков в экстремистскую и террористическую деятельность. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 2. С. 123-132. doi: 10.17759/psylaw.2017070210

For citation:

Oshevsky D.S. Clinical and psychological aspects of adolescent involvement in extremist and terrorist activities. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2017(7), no. 2. pp.123-132. doi: 10.17759/psylaw.2017070210

По данным статистики МВД РФ, в период с 2011 по 2016 г. г. количество преступлений, связанных с экстремистской деятельностью, увеличилось более чем в 2 раза (с 622 до 1450 случаев), деликтов террористической направленности почти в 3,5 раза (с 623 до 2227 случаев). С одной стороны, такая негативная статистика обусловлена тем, что эти общественно опасные действия стали лучше регистрироваться и адекватно квалифицироваться (ч.2 п. «л» ст. 105; ч. 2 п. «е»111; ст. ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ). С другой отмечается явный рост подобного рода правонарушений. Учитывая особую социальную значимость таких деяний, в Постановлении Пленума Верховного Суда от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» рекомендовано подходить к расследованию с особой тщательностью и выяснять обстоятельства, способствовавшие их совершению. Оно обязательно должно включать в себя подробное изучение особенностей развития личности обвиняемых по этим преступлениям. Отмечается, что нередко подобные деликты совершаются лицами с психическими расстройствами. Кроме того, указывается, что экстремизм и терроризм проникает в молодежную среду. Поэтому определение клинико-психологических факторов вовлечения в подобную деятельность несовершеннолетних является актуальной задачей.

Практика комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз несовершеннолетних в ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России показывает, что за последнее время существенно изменился характер криминальной агрессии на национальной и религиозной почве [5]. Подростки нередко составляют достаточно устойчивые, хорошо организованные группы, осуществляющие свою координацию с помощью закрытых сообществ в социальных сетях интернета. В них входят внешне благополучные несовершеннолетние, которые положительно характеризуются по месту учебы. Даже близкие не замечают изменений в их поведении. Вполне естественно, что после привлечения к уголовной ответственности за тяжелое правонарушение возникает вопрос о психическом здоровье подростка. Между тем, подобное поведение может быть обусловлено целым рядом причин и требуют дифференцированной оценки, в которой учитывались бы психопатологические и социально-психологические факторы, такие как индивидуальные свойства подростка, характер его психического развития, особенности поведения в группе и т.п.

Анализ литературы показывает, что лица с психическими расстройствами часто используются вербовщиками экстремистских, террористических организаций и различных неокультов, реализующих противоправные деяния [3;5;9;10;25-27].

В исторической перспективе можно проследить изменение взглядов на связь между экстремизмом, терроризмом и психопатологией. В 60-80 годы XX в. террористы, учитывая их «крайнюю жестокость, склонность к насилию и обесцениванию человеческой жизни» [30], независимо от их мотивов, рассматривались как психически больные люди. Однако такой подход не учитывал социальных и психологических составляющих, причин формирования мотивационных и смысловых структур, подталкивающих человека к террористической деятельности. Позже было показано [17;21;24], что террористы не являются гомогенной группой с общими механизмами формирования и реализации агрессивных побуждений. Предпринимались попытки типологизировать террористов в зависимости от нозологии и форм психического расстройства [27]. Так, указывалось на связь между шизофренией, посттравматическим стрессовым расстройством, личностной патологией, в частности, «нарциссизмом», и вхождением в радикальные группы [25;26].

Изучались корреляции между «террористическим поведением» и рядом нейродинамических и нейропсихологических показателей [21]. В результате проведенных исследований стало очевидно, что психопатологические факторы оказывают опосредующее влияние на формирование идей, связанных с террористической и экстремистской деятельностью. При этом основную роль играют социальные и психологические факторы [8;22;23]. Аналогичным образом на примере адептов религиозных неокультов исследователями было показано, что психическое расстройство может выступать как предпосылка для включения в деятельность этих организаций. В последующем происходит трансформация личности с формированием жесткой системы деструктивных убеждений, нередко достигающих уровня бредовых, сверхценных концепций, которые подпитываются не столько психопатологическими, сколько социально-психологическими факторами [3]. На материале подростков, обвиняемых в экстремизме, выявлено, что они склонны к группированию, а усвоенные ими идеи достаточно устойчивы и труднокорректируемы [1;2;4;5]. Сходные данные можно встретить и в зарубежных исследованиях [9;10;21;22;26].

Таким образом, в настоящее время не вызывает сомнения то, что террористическую и экстремистскую деятельность необходимо рассматривать как сложный многофакторный феномен, в котором ведущую роль играют социальные и психологические составляющие.

Одна из первых попыток психологического объяснения механизмов вхождения в террористическую деятельность была предпринята в рамках психодинамического подхода [6]. С точки зрения авторов, в процессе неправильного воспитания, эмоциональной депривации и жестокого обращения формируется специфическая нарциссическая личность. Длительное переживание в детстве своей неполноценности и уязвимости по механизму гиперкомпенсации приводит к идеям собственной исключительности. В основе мировоззрения и Я-концепции таких людей лежит так называемая «нарциссическая ярость». Это когнитивно-аффективное образование жестко детерминирует поведение в системе координат «бегство-нападение». По мнению J.W. Crayton, посредством террористического акта это позволяет ослабить негативное представление о себе [12]. Следует подчеркнуть, что при всей спорности подобных взглядов они находят отражение даже в современной судебно-экспертной практике. Так, проведен анализ двух судебно-психиатрических экспертиз в отношении норвежского террориста Брейвика. Первая экспертная комиссия признала его «невменяемым» с диагнозом «Параноидная шизофрения», тем самым подчеркнув ведущую роль психопатологического фактора. В рамках принятой судом второй экспертизы, несмотря на то, что у Брейвика выявили «Тяжелое нарциссическое расстройство», он был признан «вменяемым». Основной причиной «патологического самовозвеличивания», приведшего его к терроризму, эксперты второй экспертизы посчитали негативный семейный контекст (гиперопека наряду с эмоциональной холодностью и жестокостью матери при отсутствии отца), в котором он воспитывался [20].

С привлечением концепции социального научения предпринимались попытки объяснить причины террористических атак в Палестине и действие террористической организации «Черный сентябрь» [17]. В дальнейшем в рамках когнитивного подхода было показано, что социальная информация, содержащая экстремистские и террористические идеи, усваивается лучше у определенной категории лиц – детей и подростков из низших социальных слоев общества, испытывавших на себе физическое и эмоциональное насилие и отвергаемых просоциальными сверстниками [31].

На формирование подростковой субкультуры агрессивной направленности, в том числе экстремистской, оказывают влияние экономические, политические, макросоциальные факторы. Особая роль среди них отводится средствам массовой информации (СМИ) [7;14]. Следует отметить, что большинство исследований относительно влияния СМИ на подростков проводилось еще до развития интернета. Однако в них выявлен ряд закономерностей. Так, в работе R.M. Liebert, R.W. Poulos, G.S. Marmor обнаружено, что дети легко усваивают демонстрируемые в кинофильмах и рекламе деструктивные действия и проявляют подобное поведение, когда обстоятельства явно указывают на их допустимость [18]. L.R. Huesmann, L.D. Eron показали, что существует сензитивный период (8-12 лет), в который дети и подростки наиболее восприимчивы к насилию в СМИ [19]. Авторы полагают, что величина восприятия и переработки подобной информации пропорциональна времени ее получения. Вместе с тем, в ряде работ [14] отмечено, что усвоение деструктивных форм поведения, транслируемых в СМИ, и их реализация происходит только у части подростков. Важная роль в этом процессе отводится характеру социального окружения. В лонгитюдных исследованиях D. Farrington [16] обнаружено, что риск агрессии и насилия возрастает в случае принадлежности ребенка к слоям с низким социальным статусом, где наблюдается расхождение между декларируемыми социальными стандартами и законными способами достижения имеющихся потребностей. Не исключено, что информация, содержащая сцены насилия и жестокости, приводит к формированию агрессивных паттернов поведения только у тех подростков, которые испытывали на себе жестокое обращение родственников, холодное отношение с их стороны, были отвергаемы сверстниками [8].

Подтверждение описанным закономерностям можно найти в обширном обзоре С. Crossett и J. Spitaletta [13]. Авторы на основании метаанализа литературы объясняют механизмы вхождения в террористические группы «подростков-джихадистов». Указывается, что вербовщики обращают особое внимание на несовершеннолетних из неполных многодетных семей с низким уровнем достатка. Их снабжают экстремистской литературой и демонстрируют видеоролики уже совершенных террористических актов. В сопутствующих комментариях террористы-смертники героизируются и выступают примером для подражания.

По мнению ряда исследователей [7;11;] подростки, предрасположенные к агрессии, при предъявлении проблемных ситуаций на экране склонны давать враждебные ответы. Авторы связывают это с нарушениями селективности восприятия социальной информации, которые начинают формироваться уже в раннем детстве. В процессе восприятия и переработки информации важные ее части упускаются, при этом происходит привнесение отрицательных переживаний даже в нейтральный материал, что приводит к формированию угрожающего образа мира в целом и усилению агрессивных тенденций.

В объяснении механизмов вхождения в экстремистские сообщества заслуживает внимания концепция диффузной (спутанной) эго-идентичности [15], поскольку она корреспондирует с рядом эмпирических данных, полученных в группах, обвиняемых в экстремизме и терроризме [1;2;4;9;10;29]. Нормальная эго-идентичность является интегрирующим психологическим образованием, которое обеспечивает стабильное, непрерывное ощущение собственной целостности, устойчивость самооценки, уверенность в себе и своем месте в социуме. С некоторыми допущениями это понятие соответствует тому, что в отечественной психологии обозначается как самосознание. Эго-идентичность наиболее интенсивно развивается в возрастном интервале 11-20 лет. Неблагоприятные

варианты протекания подросткового кризиса характеризуются так называемой «диффузной идентичностью» – сомнениями относительно себя, своего места в группе, в обществе, неясностью жизненной перспективы и т.п. Острые неразрешимые конфликты, чрезвычайные ситуации, смысловые кризисы во взрослом возрасте также могут негативно влиять на эго-идентичность. Дезинтеграция личности может возникать и при психических заболеваниях, в основном в рамках расстройств шизофренического спектра и неспецифической подростковой симптоматики с выраженными чертами незрелости, ведомости и зависимости от референтной для несовершеннолетнего группы. Независимо от того, психопатологическую или психологическую природу имеет диффузная идентичность, она требует своей компенсации. У потенциальных экстремистов и террористов это происходит за счет идентификации себя с референтной группой (реальной или организованной в виртуальном пространстве). Такое сообщество воспринимается не только как единственный источник эмоциональной поддержки, но и дает простые, понятные псевдорациональные объяснения общей картины мира. Крайне поляризованный, категоричный «черно-белый» взгляд на окружающую действительность приводит к неверной ее интерпретации [28]. Примитивные идеи вербовщиков при этом воспринимаются целостно в виде интроектов и не подвергаются критическому анализу. Исследования, проведенные на несовершеннолетних обвиняемых в агрессивных правонарушениях на национальной почве, демонстрируют сходные результаты. Оценки таких подростков, как правило, категоричны и полярны, смысловая сфера отличается конфликтностью и недифференцированностью смыслов. Подобная структура смысловых конструкторов и негативных установок, по-видимому, связана с неблагоприятным семейным контекстом, в котором воспитывается ребенок. Отцы таких несовершеннолетних либо вообще не поддерживают с ними отношений, или отличаются эмоциональной холодностью [4]. Вследствие этого, не формируется адекватного представления о своей психосоциальной роли. Мужской образ у них отличается недифференцированностью. Гипермаскулинные модели поведения реализуются за счет вхождения в деструктивные группы. Это, возможно, позволяет компенсировать диффузность своей идентичности [1;2;5].

Следует подчеркнуть, что развитие высоких технологий и средств общения в социальных сетях, по-видимому, существенно модифицируют процесс коммуникации. На необходимость учета специфичности внешнего воздействия указывается еще в классических работах по викарному научению агрессивным моделям поведения в период активного развития телевидения [7]. К сожалению, исследований влияния интернета на процесс вхождения несовершеннолетних в радикальные группы практически нет. Их проведение будет не только способствовать более глубокому пониманию механизмов формирования противоправного поведения подростков, но и позволит наметить пути профилактики правонарушений экстремистской и террористической направленности.

Литература

1. *Гурина О.Д.* Исследование смысловых конструкторов, отражающих отношение к национальностям и национализму у подростков-правонарушителей [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. Том 6. № 3. С. 70–81. doi:10.17759/psyedu.2014060308 (дата обращения: 10.05.2017).
2. *Дозорцева Е.Г., Маланцева О.Д.* Ксенофобия и молодежный экстремизм: истоки и взаимосвязи [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование

-
- PSYEDU.ru. 2012. № 2. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53445_full.shtml (дата обращения: 10.05.2017).
3. *Кондратьев Ф.В., Осколкова С.Н.* Проблема религиозных культовых новообразований («сект») в психолого-психиатрическом аспекте: Аналитический обзор. М.: ГНЦССП им. В.П. Сербского МЗ РФ, 2000. 100 с.
 4. *Ошевский Д.С.* Негативные социальные установки и смысловые конструкты у подростков, совершивших агрессивные противоправные деяния на национальной почве // Юридическая психология. 2012. № 3. С. 30–34.
 5. *Ошевский Д.С., Бадмаева В.Д., Голуб С.В., Фастовцов Г.А.* Психолого-психиатрические аспекты экспертной квалификации шизотипического расстройства у несовершеннолетнего обвиняемого в террористической деятельности // Практика судебно- психиатрической экспертизы. Сб. № 52. Под. Ред. Г.А. Фастовцова. М.: ФГБУ «ГНЦССП им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2014 С. 256- 270.
 6. *Akhtar S.* The Psychodynamic dimension of terrorism // *Psychiatric Annals*. 1999. №29 (6). P. 350-355.
 7. *Bandura A.* Aggression: a social learning analysis. New York: Prentice Hall, 1973. 266 p.
 8. *Bartol C.R.* Criminal Behavior: A Psychological Approach. 9 th ed. New York: Prentice Hall, 2010. 672 p.
 9. *Borum R.* Psychological vulnerabilities and propensities for involvement in violent extremism // *Behavioral Sciences and the Law*. 2014. № 32(3). P. 286-305.
 10. *Borum R.* Assessing risk for terrorism involvement // *Journal Threat Assessment and Management*. 2015. № 2. P. 63-87.
 11. *Crick N.R., Dodge K.A.* A review and reformulation of social information processing mechanisms in children`s social adjustment. // *Psychopathological Bulletin*. 1994. № 2. P. 74-101.
 12. *Crayton J.W.* Terrorism and Psychology of the Self // *Perspectives on Terrorism*. Wilmington, Delaware: Scholarly Resources. 1983. P. 33-41.
 13. *Crossett C., Spitaletta J.* Radicalization: Relevant psychological and sociological concepts. The Johns Hopkins University: U.S. Army Asymmetric Warfare Group. 2010. 110 p.
 14. *Elliott D.S., Menard S.* Delinquent friends and delinquent behavior: Temporal and developmental patterns // *Delinquency and crime: current theories*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 28-67.
 15. *Erikson E.H.* Identity, youth and crisis. New York: W. W. Norton Company, 1968. 336 p.
 16. *Farrington D.* Multiple Risk Factors for Multiple Problem. // *Multi-problem violent*

- youth. Cracow, 2002. P.23-35.
17. *Kent O., Wieg T.* Terrorist and victim: psychiatric and physiological approaches // *Terrorism: an international journal*. 1985. №8 (1). P. 1-32.
 18. *Liebert R.M., Poulos R.W., Marmor G.S.* *Developmental psychology*. Ed. E. Cliffs New York: Prentice Hal. 1977. 102 p.
 19. *Huesmann L.R. Eron L.D.* Cognitive processes and the persistence of aggressive behavior. // *Aggressive behavior*. 1984. № 10. P. 243-251.
 20. *Melle I.* The Breivik case and what psychiatrists can learn from it // *World Psychiatry*. 2013. № 12. P.16-21.
 21. *Meloy J.R., Yakeley J.* The violent true believer as a “lone wolf” – psychoanalytic perspectives on terrorism // *Behavioral Sciences and the Law*. 2014. № 32. P.347- 365.
 22. *Monahan J.* The individual risk assessment of terrorism. // *Psychology, Public Policy & the Law*. 2012. №18. P. 167-205.
 23. *Monahan J.* The individual risk assessment of terrorism: recent developments // *The handbook of the criminology of terrorism*. Eds. LaFree G. Freilich J. New York: John Wiley and Son, 2016. 243 p.
 24. *Post J.M.* Terrorist psychological: terrorist behavior as a product of psychological forces // *Origins of terrorism: psychologies, ideologies, theologies, states of mind*. New York: Cambridge University press, 1990. P.25-40.
 25. *Peay J.* Mentally disordered offenders, mental health and crime // *The Oxford handbook of criminology*. Oxford, UK: Oxford University Press 2002. P.746-791.
 26. *Research on terrorism: trends, achievements and failures*. Ed. A. Silke. London: Frank Cass. 2004. 235 p.
 27. *Taylor M.* *The terrorist*. London: Brassey’s, 1988. 249 p.
 28. *Terrorism: Reflections on issues, concepts, and directions*. Eds. Moghaddam F.M., Marsella A. *Understanding Terrorism: Psychosocial Roots, consequences, and interventions* Washington: DC: American Psychological Association, 2003. 302 p.
 29. *Weatherston D., Moran J.* Terrorism and mental illness: Is there a relationship? // *Offender Ther Comp Criminol* December. 2003. № 47. P. 698-713.
 30. *West L.J.* *Cults, liberty, and mind control //The rationalization of terrorism*. New York: University Publications of America, 1982. P. 101-107.
 31. *Wood W., Wong F.Y., Cachere J. G.* Effects of media violence on viewers aggression in unconstrained social interaction. // *Psychological Bulletin*. 1991. № 109. P. 371-383.

Clinical and psychological aspects of adolescent involvement in extremist and terrorist activities

Oshevsky D.S., PhD (Psychology), Associate Professor, Moscow State University of Psychology and Education, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (oshevsky@serbsky.ru)

The article deals with the clinical and psychological aspects of including minors in terrorist and extremist activities. In the historical perspective, it was traced how the views on the role of mental disorders in the genesis of such crimes changed. It is shown that terrorist and extremist activity must be viewed as a complex multi-factor phenomenon, in which socio-psychological components play a leading role. It is noted that the psychopathological process can act as a prerequisite for inclusion in such radical groups. Psychoanalytic, sociological, cognitive approaches, theories of social learning and the concept of diffuse ego-identity making attempts to explain the mechanisms of terrorist and extremist activity in minors are analyzed. The problem of insufficient study of the influence of the Internet and social networks on the formation of readiness for admission to adolescents in radical organizations is posed.

Key words: adolescent offenders, terrorism, extremism.

References

1. Gurina O.D. Issledovanie smyslovykh konstruktov, otrazhaiushchikh otnoshenie k natsional'nostiam i natsionalizmu u podrostkov-pravonarushitelei [The study of semantic constructs reflecting the attitude towards nationalities and nationalism in juvenile offenders] *Psikhologicheskaja nauka i obrazovanie PSYEDU.ru [Psychological Science and Education psyedu.ru]*, 2014. Vol. 6. no. 3. pp. 70–81. doi:10.17759/psyedu.2014060308 (Accessed 10.05.2017). (in Russ., abstr. In Engl.)
2. Dozortseva E.G., Malantseva O.D. Ksenofobija i molodezhnyi ekstremizm: istoki i vzaimosviasi [Xenophobia and youth extremism: origins and interrelations] *Psikhologicheskaja nauka i obrazovanie PSYEDU.ru [Psychological Science and Education psyedu.ru]*, 2012. no. 2. Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53445_full.shtml (Accessed 10.05.2017). (in Russ., abstr. In Engl.)
3. Kondrat'ev F.V., Oskolkova S.N. Problema religioznyh kul'tovyh novoobrazovanij («sekt») v psihologo-psihiatricheskom aspekte [The problem of religious religious neoplasms ("sects") in the psycho-psychiatric aspect]: Analiticheskij obzor. Moscow: Publ. GNC SiSP im. V.P.Serbskogo MZ RF, 2000. 100 p.

4. Oshevskij D.S. Negativnye sotsial'nye ustanovki i smyslovye konstrukty u podrostkov, sovershivshikh agressivnye protivopravnye deyanija na natsional'noi pochve [Negative social attitudes and semantic constructs in adolescents who have committed violent criminal acts on national ground]. *Yuridicheskaja psikhologija [Juridical psychology]*, 2012. no. 3, pp. 30–34. (in Russ., abstr. In Engl.)
5. Oshevskij D.S., Badmaeva V.D., Golub S.V., Fastovcov G.A. Psihologo-psihiatricheskie aspekty ehkspertnoj kvalifikacii shizotipicheskogo rasstrojstva u nesovershennoletnego obvinyaemogo v terroristicheskoj deyatelnosti [Psychological and psychiatric aspects of the expert qualification of a schizotypal disorder in a juvenile accused in terrorist activity]// *Praktika sudebno- psihiatricheskoy ehkspertizy*. no. 52. In. Fastovcov G.A. (ed.) M.: Publ. FGBU «GNCSSP im. V.P. Serbskogo» Minzdrava Rossii, 2014 pp. 256- 270.
6. Akhtar S. The Psychodynamic dimension of terrorism // *Psychiatric Annals*. 1999. no. 29 (6). pp. 350-355.
7. Bandura A. *Aggression: a social learning analysis*. New York: Prentice Hall, 1973. 266 p.
8. Bartol C.R. *Criminal Behavior: A Psychological Approach*. 9 th ed. New York: Prentice Hall, 2010. 672 p.
9. Borum R. Psychological vulnerabilities and propensities for involvement in violent extremism // *Behavioral Sciences and the Law*. 2014. no. 32(3). pp. 286-305.
10. Borum R. Assessing risk for terrorism involvement // *Journal Threat Assessment and Management*. 2015. no. 2. pp. 63-87.
11. Crick N.R., Dodge K.A. A review and reformulation of social information processing mechanisms in children`s social adjustment. // *Psychopathological Bulletin*. 1994. no. 2. pp. 74-101.
12. Crayton J.W. *Terrorism and Psychology of the Self* // *Perspectives on Terrorism*. Wilmington, Delaware: Scholarly Resources. 1983. pp. 33-41.
13. Crossett C., Spitaletta J. *Radicalization: Relevant psychological and sociological concepts*. The Johns Hopkins University: U.S. Army Asymmetric Warfare Group. 2010. 110 p.
14. Elliott D.S., Menard S. *Delinquent friends and delinquent behavior: Temporal and developmental patterns* // *Delinquency and crime: current theories*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. pp 28-67.
15. Erikson E.H. *Identity, youth and crisis*. New York: W. W. Norton Company, 1968. 336 p.
16. Farrington D. Multiple Risk Factors for Multiple Problem. // *Multi-problem violent youth*. Cracow, 2002. pp.23-35.
17. Kent O., Wieg T. Terrorist and victim: psychiatric and physiological approaches // *Terrorism: an international journal*. 1985. no. 8 (1). pp. 1-32.

18. Liebert R.M., Poulos R.W., Marmor G.S. Developmental psychology. Ed. E. Cliffs New York: Prentice Hal. 1977. 102 p.
19. Huesmann L.R. Eron L.D. Cognitive processes and the persistence of aggressive behavior. // Aggressive behavior. 1984. no. 10. pp. 243-251.
20. Melle I. The Breivik case and what psychiatrists can learn from it // World Psychiatry. 2013. no. 12. pp.16-21.
21. Meloy J.R., Yakeley J. The violent true believer as a "lone wolf" – psychoanalytic perspectives on terrorism // Behavioral Sciences and the Law. 2014. no. 32. pp. 347-365.
22. Monahan J. The individual risk assessment of terrorism. // Psychology, Public Policy & the Law. 2012. no. 18. pp. 167-205.
23. Monahan J. The individual risk assessment of terrorism: recent developments // The handbook of the criminology of terrorism. Eds. LaFree G. Freilich J. New York: John Wiley and Son, 2016. 243 p.
24. Post J.M. Terrorist psychological: terrorist behavior as a product of psychological forces // Origins of terrorism: psychologies, ideologies, theologies, states of mind. New York: Cambridge University press, 1990. pp.25-40.
25. Peay J. Mentally disordered offenders, mental health and crime // The Oxford handbook of criminology. Oxford, UK: Oxford University Press 2002. pp.746-791.
26. Research on terrorism: trends, achievements and failures. Ed. A. Silke. London: Frank Cass. 2004. 235 p.
27. Taylor M. The terrorist. London: Brassey's, 1988. 249 p.
28. Terrorism: Reflections on issues, concepts, and directions. Eds. Moghaddam F.M., Marsella A. Understanding Terrorism: Psychosocial Roots, consequences, and interventions Washington: DC: American Psychological Association, 2003. 302 p.
29. Weatherston D., Moran J. Terrorism and mental illness: Is there a relationship? // Offender Ther Comp Criminol December. 2003. no. 47. pp. 698-713.
30. West L.J. Cults, liberty, and mind control //The rationalization of terrorism. New York: University Publications of America, 1982. pp. 101-107.
31. Wood W., Wong F.Y., Cachere J. G. Effects of media violence on viewers aggression in unconstrained social interaction. //Psychological Bulletin. 1991. no. 109. pp. 371-383.